

Ю. К. Олеша (1899–1960)

Фотография из собрания Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля

ЮРИЙ ОЛЕША

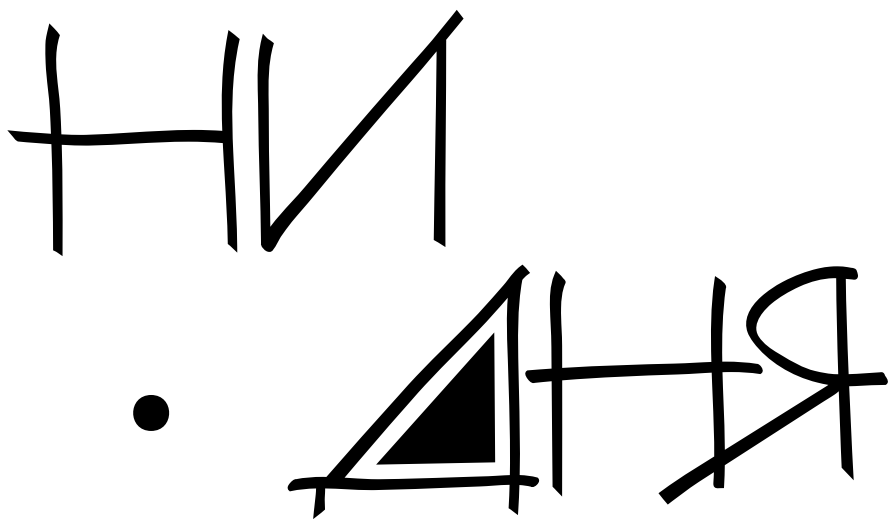
НИ ДНЯ БЕЗ СТРОЧКИ

РАССКАЗЫ,
ВОСПОМИНАНИЯ,
СТАТЬИ

серия
Личный век

Москва 2023

Юрий Олеша

БЕЗ

СТРО4.

КМ

Виктор Шкловский
ПРЕДИСЛОВИЕ
К ИЗДАНИЮ 1965 г.

Н е будем рассказывать биографии Юрия Карловича Олеша, потому что книга, которую вы сейчас прочтете, является и биографией писателя, и романом о его времени.

Она со скрытой нежностью говорит о матери, сохраняет память об отце и рано умершей сестре.

Потом в свет книги вступают школа и писатели, о которых Олеша рассказывает с высоким братским уважением.

Следующий круг ее — анализ старой литературы и мысли о высоком значении искусства. Последний высокий круг — новая Москва, замечательно описанная.

Конечно, материал времени в книге «Ни дня без строчки» не исчерпан.

Юрий Олеша прожил жизнь трудную и сам к себе относился беспощадно. После славы стихотворного фельетониста Зубилы, который был известен не только советским железнодорожникам, но и широкому кругу читателей, Юрий Карлович создал роман «Зависть», романтическую сказку «Три Толстяка», книги новелл и ряд пьес.

Большой друг Юрия Олеша – Эммануил Казакевич – писал:

«...В разные времена люди ценят разные качества. Мне кажется, что в наше время передовые советские люди особенно ценят честность. Олеша – один из тех писателей, которые не написали ни единого слова фальши. У него оказалось достаточно силы характера, чтобы не писать то, чего он не хотел. Некоторые называли это слабостью характера.

Его отношение к слову как основе художественного творчества было поразительным. Каждое слово он пробовал на зуб, как золотой, рассматривал в лупу, как алмаз, ворочал так и эдак, примеряя и пригоняя к другим, прежде чем поставить на место, в строчку. Даже в обыкновенном житейском разговоре было заметно, как он прислушивается, приглядывается, даже „принюхивается“ к каждому слову, интонации, к игре разнообразных звуков и словосочетаний. Впрочем, „обыкновенного житейского разговора“ Юрий Олеша вовсе не умел вести. Ход его мыслей был всегда оригинален, реплики – неожиданны, ассоциации – очень богаты, переходы – остры.

Употребляя современное сравнение: он был на редкость чуткой и мощной аэродинамической трубой для отбора, опробования, продувки, проверки, обработки, шлифовки слов; точеность и музыкальность его фразы несравненны. Это давалось не только силой таланта, но и беспрестанным трудом.

Муки мученические работы Юрия Олеша над словом – его завет нам, советским литераторам».

После блистательного восхода Юрий Олеша пережил время раздумий и поиска. Вернувшись из эвакуации

в Москву, Олеша узнал, что он потерял по небрежности квартиру. Ему сказали, что в Моссовете об этом знают и хотят дать другое жилье, но он никуда не пошел и ничего не просил, говоря, что еще не написал книгу или пьесу и не хочет приходить с просьбой, когда нет новых результатов труда и писательской победы. Он жил трудно.

В 1953 году для писателя началось время надежды и бодрости. Была весна, уже голубело небо, слегка прокрапленное пунктиром почек.

Юрий Карлович писал матери: «...какое-то непобедимое упорство, непобедимое чувство уверенности чувствую я постоянно. Иногда оно не оправдывается, однако не покидает меня. Может быть, это и есть свойство поэта, художника — это здоровье души. Я пишу между прочим сейчас книгу воспоминаний, глубже чем воспоминания, но форма этой книги ближе всего именно к воспоминаниям. Там фигурирует Одесса с детскими и гимназическими ее годами. Так что я сейчас нахожусь в сфере детства, в близости с тобой...»

Это написано в 1954 году.

Юрий Олеша писал статьи, делал переводы, сдал инсценировку «Идиота», но книга, названная им «Ни дня без строчки», была для писателя главной. Он писал матери: «...единственное оправдание, что я всю жизнь не был внутренне устроен; всегда у меня какое-то стремление сам не знаю куда, какое-то неудовлетворение. Я как-то удачно сказал себе, что я не иду по земле, а лечу над ней».

Это написано в 1956 году.

В те годы я хорошо знал Юрия Карловича.

Перед Третьяковской галереей в Лаврушинском переулке стоит девятиэтажный каменный дом. Он так велик, что стрижи прилепляют на его карнизы гнезда, принимая карнизы за края высокой скалы.

Одним боком дом выходит к проходу, ведущему на Ордынку. Проход не широк: углом к нему подступает красный кирпичный дом.

Юрий Карлович Олеша идет вдоль стены домой. Дует резкий весенний ветер; в небе — весеннее солнце среди быстрых облаков.

В серой шляпе с опущенными полями, в пальто с широкими плечами, нагнув голову вперед, как бы упираясь в ветер, идет седовласый синеглазый человек, очень похожий на Бетховена.

Идет плечом вперед, думая о мире, сущность которого так трудно превращается в строки, такие строки, которые прилепляли бы свои гнезда к карнизам рассказов, из которых мысли вылетали бы прямо в небо и пришивали бы небо к скале быстрыми черными стежками.

Олеша идет прямо на ветер. Он хочет вынуть из себя фразу-строку так, как вынимают саблю из ножен, он как бы ложится на ветер, он сам звучит, как ветер, как ножны сабли, из которых вырывают сталь клинка.

Идет. Сутулясь так, как сутулится сильная птица перед взлетом.

В Москве ранняя весна, весна надежды.

Юрий Карлович писал матери 20 апреля 1960 года: «Я, кажется, писал тебе о книге... В Москве начинается весна, настроение у меня доброе... Сейчас, когда я пишу тебе это письмо, раннее утро... Так как мы живем на девятом этаже, то комнаты наполнены солнцем. Все в порядке у меня, мама, — в отношении самочувствия, настроения, творческих сил».

Писатель любил Москву, любил ее настоящее, понимал прошлое, понимал будущее. Юрию Олеше было шестьдесят лет. Он сплачивал части нового произведения так, как склепывают корабль из тяжелых, звучащих под молотом листов.

Казалось, работа кончится сейчас, кончится радостно...

Советская литература никогда не останавливается, никогда не повторяется. Она идет, прокладывая дорогу в будущее, сознавая свою преемственность со старой русской литературой.

О неудовлетворенности старыми формами писал Герцен и создал новую, еще не всеми понятую форму.

По-новому складывал свои эпопеи Толстой, ясно сознавая свое новаторство. Горький после революции, переосмысливая прошлое русского искусства, писал по-новому. Нова широта шолоховского романа.

Новая советская проза соединяет в одно целое новеллу, статью, философское исследование; она многообразна так, как многообразна новая жизнь.

Новая проза Олеси — результат большого труда и большая удача. Олеся — человек, проживший трудную жизнь, — знал, что такое вдохновение, чувствовал себя в полете и любил мир в его целом, любил не эгоистически, приветствовал «мир без меня».

Перед нами книга очень большого значения, полная таланта, мужества, мастерства.

Она рассказывает о предметах искусства, о детстве писателя, о людях, с которыми сталкивала жизнь, о том, что Олеся видел, о том, чего он не видел, но вся книга написана о нашей жизни, увиденной не до конца, но честно, доблестно, яростно, беспощадно к себе, потому что полна жаждой истины.

Юрий Олеся всегда был верен высоким надеждам человечества, никогда не сказал компромиссного слова, не включал в свои произведения строк, в которых не был уверен. Он никогда не терял оптимизма, умея смотреть на жизнь открытыми глазами.

Юрий Олеся умер от инфаркта 10 мая 1960 года.

После него остались неоконченные пьесы и груды папок, полных вариантами книги «Ни дня без строчки». Осталось несколько планов книги, письма о ней.

Новая книга собиралась по каплям, по строкам, строки переписывались, досоздавались, но рукопись не была разобрана, на многих кусках ее нет даты, а книга писалась семь лет.

Рукописи пришлось долго разбирать.

Жена писателя Ольга Суок датировала куски новой книги по событиям, описанным в них.

Среди разрозненных фрагментов и кусков надо было уловить замысел книги, понять последовательность частей и внутреннюю связь образов. Эту работу выполнил литературовед Михаил Громов.

Предисловие к изданию 1965 г.

Расположение частей и кусков книги, возможно, не совсем таково, как бы это сделал автор, но окончательно-го плана, задуманного им, нет, так как автор умер в процессе создания вещи, которую он любил, может быть, больше всего, что написал за всю свою жизнь. ¶

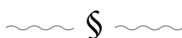
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕТСТВО

Редше чем предложить вниманию читателя эту книгу, я хочу рассказать историю ее возникновения. Это необходимо, поскольку книга необычна — какие-то отрывки! — и может оказаться не только не понятой читателем, но даже вызвать раздражение.

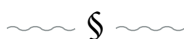
Книга возникла в результате убеждения автора, что он должен писать... Хоть и не умеет писать так, как пишут остальные.

Однажды я как-то по-особенному прислушался к старинному изречению о том, что ни одного дня не может быть у писателя без того, чтобы не написать хоть строчку.

Я решил начать придерживаться этого правила и тут же написал эту первую строчку. Получился небольшой и, как мне показалось, вполне законченный отрывок. Произошло это и на следующий день, и дальше день за днем я стал писать эти «строчки».

Мне кажется, что единственное произведение, которое я могу написать как значительное, нужное людям, — книга моей собственной жизни.

В прошлом году распространился слух, что я написал автобиографический роман.

В ресторане Клуба писателей, через который я проходил, неожиданно подняв на меня лицо, Тараховская, автор детских стихов и, конечно, взрослых эпиграмм, спросила меня:

— Это правда, что вы написали автобиографический роман?

Я сказал, что нет, она огорчилась — по лицу было видно, что огорчилась.

— Боже мой, а говорят, такой замечательный автобиографический роман.

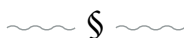
И мне самому стало жаль, что я не написал романа. Я очень нежно, благодарно попрощался с ней.

Я вспоминаю только один из фактов. Еще со всех сторон я слышал о моем романе.

Что же, очевидно, хотят, чтобы именно я написал, если верят в слух, если сами распространяют. Может быть, нужно написать, если этого хотят современники? Причем просто подсказывают форму — автобиографический роман... Этим, кстати, показано понимание характера моих писаний.

Попробовать?

Ну вот начало.

Я шел в гимназию по главной улице города, которая называлась Дерibasовская, вдоль магазинов с их витринами, кстати говоря, очень богатыми и нарядными, вдоль